

М. С. Сушенцова

УТИЛИТАРИЗМ И. БЕНТАМА И ДЖ. С. МИЛЛЯ: ОТ ДОБРОДЕТЕЛИ К РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В данной статье проведено исследование вопроса о «реформатировании» человеческого поведения от нравственного выбора к рациональности в работах классиков утилитаризма — И. Бентама и Дж. С. Милля. В этом переходе можно выделить два аспекта — методологический и этический. С точки зрения методологии Бентам и Милль ограничивают формулировку конечных целей человеческой деятельности и моральной оценки областью наблюдаемых явлений. С позиции утилитаристской этики счастье признается всеобщей однородной целью, в которой стирается конфликт долга и желания. В связи с этим определение долгосрочных и общественно значимых последствий индивидуальных действий составляет суть правильного поведения. Утилитаризм, таким образом, переводит акцент в анализе поведения от этической ценности (добродетели) к научной норме (рациональности). Библиогр. 34 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: этика и экономика, утилитаризм, добродетель, рациональность, полезность, счастье, Милль, Бентам.

Maria S. Sushentsova

UTILITARIANISM OF J. BENTHAM AND J. S. MILL: FROM VIRTUE TO RATIONALITY

The article is devoted to the utilitarian conversion in the behavior analysis from moral value to rationality in the works of J. Bentham and J. S. Mill. Methodologically, Bentham and Mill restrict the formulation of human ends and moral estimation by the observed facts. From the ethical point of view, happiness is considered as the universal homogeneous aim without any difference between desire and duty. So, the determination of the long-term and the publically relevant consequences of individual acts constitute the correct behavior. Finally, utilitarianism focuses on the scientific norm of rationality instead of the virtue as an ethical value. Refs 34. Table 1.

Keywords: ethics and economics, utilitarianism, virtue, rationality, utility, happiness, Mill, Bentham.

Введение

В современной литературе наметилась тенденция к сближению вопросов этики и экономики [Hosmer, Chen, 2001]. Это обусловлено, с одной стороны, растущей неудовлетворенностью методологической базой самой экономической науки; с другой — увеличением междисциплинарных исследований [Ананьин, 2009, с. 190–191]. В частности, не теряют полемической остроты вопросы о существовании утилитаризма как самостоятельной этической концепции [Slote, 2005], а также о возможности применения его положений в качестве поведенческих предпосылок экономической теории [Hands, 2008].

Исследуемые вопросы представлены в научной литературе весьма неоднородно. В работах отечественных авторов, посвященных творчеству И. Бентама

Мария Сергеевна СУШЕНЦОВА — ассистент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; m.sushentsova@gmail.com

Maria S. SUSHENTSOVA — Assistant, National Research University “Higher School of Economics” (NRU HSE), 101000, Moscow, Russian Federation, Myasnitskaya street, 20; m.sushentsova@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

и Дж. С. Милля, неизменно преобладает упор на методологию Милля [Филатов, 2007; Чаплыгина, 2009], тогда как этические взгляды утилитаристов представлены в виде краткого обзора [Автономов, 1993, с. 15–19; Калмычкова, Чаплыгина, 2005, с. 204–207]. В целом отечественные исследователи подчеркивают стремление Бентама и Милля к рационализации экономического поведения и усилению степени его абстракции. При этом уделяется мало внимания сравнению концепций утилитаризма Бентама и Милля, философско-этической позиции самого Милля, а также отступлениям данных авторов от общепринятой трактовки утилитаризма. На наш взгляд, это связано с неразвитостью отдельного исследовательского направления «этика и экономика» в отечественной методологии и истории экономической науки.

Более глубокий анализ этики утилитаризма как попытки научного обоснования нравственности, а также создания определенной концепции в нормативной экономической теории и экономической политике обнаруживается в работах французских исследователей Н. Сиго [2016а, 2016б] и А. Божар [2016]. Они связывают влияние Бентама с развитием экономической теории благосостояния и, тем самым, перебрасывают мостик к современным дискуссиям об утилитаризме в нормативной экономической теории.

Наибольшее разнообразие акцентов в изучении наследия Бентама и Милля встречается в работах англоязычных авторов (в основном англо-американского происхождения). Исследования можно разделить на три группы, которые рассмотрены ниже.

1. Философские обзоры, в которых содержится описание этики утилитаризма и ее «узких» мест, представлены в классической работе Б. Рассела [1993, с. 288–296], а также в других современных трудах [Schefczyk; Slote, 2005].

2. Работы по истории экономической мысли и экономической методологии, которые посвящены в основном экономическим взглядам Милля и его вкладу в развитие методологии экономической науки [Блаут, 1994, с. 164–176; 2004, с. 111–122; Hausman, 1981].

3. Исследования по философии экономической науки, в которых, в частности, рассматриваются вопросы ее соотношения с этикой, освещается роль утилитаризма в современных дискуссиях об экономических теориях благосостояния и справедливости [Хаусман, Макферсон, 2011; 2012; Сен, 2016; Sen, 1985; Sugden, 2004; McQuillin, Sugden, 2012]. Авторы этих работ не столько анализируют историческое формирование утилитаризма, сколько возрождают дискуссию вокруг его содержания. По их мнению, философские положения утилитаризма, прочно заложенные в экономическую науку, должны быть подвергнуты самой глубокой рефлексии. В центре этой дискуссии, в свою очередь, можно выделить три вопроса, которые соответствуют трем направлениям исследований: во-первых, теории благосостояния (можно ли рассматривать утилитаристское понятие счастье как базовую ценность в нормативных экономических концепциях? Заметим, что, например, ведущие теоретики поведенческой экономики, такие как Д. Канэман, призывают вернуться к гедонизму Бентама [Hands, 2008]); во-вторых, теории справедливости (каким должно быть соотношение индивидуального и общественного блага с позиций утилитаризма и других концепций?); в-третьих, общей экономической теории (адекватен ли критерий полезности (удовлетворение предпочтений) в измерении индивидуального благосостояния?)

В качестве ответа на третий вопрос некоторые авторитетные современные экономисты предлагают перейти к критерию «возможностей» как альтернативе критерию полезности [Сен, 2016; Sugden, 2004].

В свете возрождения нормативных дискуссий в экономической науке автор данной статьи предлагает вернуться к осмыслению классических основ утилитаризма в оригинальных работах его основоположников, с тем чтобы прояснить его характерные черты и роль в формировании философско-методологических оснований современной экономической теории, а также оценить его приемлемость для современных концепций экономической справедливости и благосостояния.

На наш взгляд, в процессе отделения экономической науки от моральной философии происходил переход категорий моральной оценки (добра и зла) в более наукообразную категорию рациональности. Суть его состоит в развенчании понятия добродетели как самостоятельной ценности (трансцендентной сущности) и сведении ее к «просвещенной» экономической рациональности (долгосрочному видению своих интересов). Эта тенденция наметилась в трудах Д. Юма, Дж. Локка и А. Смита, более радикально — у Т. Гоббса и Б. Мандевилля. В настоящей статье показано завершение данного «перехода» в работах классиков утилитаризма — И. Бентама и Дж. С. Милля. Вклад утилитаристов в эту трансформацию содержит два элемента: 1) методологический: замена категорий должного (конечных целей) наблюдаемыми явлениями; 2) этический: синтез понятий долга и желания в концепции счастья (удовольствия), которое рассматривается как единственная конечная цель человеческой жизни. Полагаем, что в таком изменении было заложено зерно для будущей универсализации экономического подхода [Беккер, 2003]. В более широком дискурсе это создало почву для глобального отказа от автономной этики в пользу научных норм, в частности универсальной логики экономического расчета [Найт, 2009, с. 47].

1. Методологический аспект

Милль считает, что позитивный анализ не только возможен, но и необходим в рамках моральных наук, к которым относится и наука об экономике [Чаплыгина, 2009]. В соответствии со смешанным индуктивно-дедуктивным методом Милля, не только выводы теории, но и ее исходные предпосылки должны опираться на эмпирический материал [Милль, 2007, с. 1006–1013]. Даже истинность моральных категорий (и вопрос о конечных целях) у Милля подтверждается наблюдением за поведением [Schefczyk]. Что касается Бентама, то сам источник моральных категорий не входит в область его интересов, он утверждает их на прагматической основе, исходя из потребностей правовой практики и законотворчества [Бентам, 1998, с. 25]. Несмотря на разность исследовательских задач, Милль и Бентам в своих этических рассуждениях стремятся к максимальной наблюдаемости человеческого поведения. Рассмотрим два важных следствия из этого утверждения.

1.1. Источник моральных норм

С одной стороны, Милль пишет, что вопрос о «высших целях», так же как и о первичных принципах науки, не может быть строго доказуемым [Милль, 2013, с. 137]. В этом проявляется априорный характер первичных предпосылок. С дру-

гой стороны, поведение, «будучи, по существу, совокупностью фактов, может непосредственно быть предметом рассмотрения...» [Милль, 2013, с. 137]. Основная задача любой этической системы, в том числе утилитаризма, состоит в доказательстве того, что именно является *желательным*, т. е. что формирует итоговую цель (и притом единственную цель, которая служит критерием нравственности). Милль строит аналогию между наблюдаемостью физических явлений, таких как свет и звук, и предмета человеческих желаний: «Единственное доказательство того, что объект является видимым, — это то, что люди действительно его видят... Рассуждая в таком духе, я прихожу к выводу, что единственным подтверждением желательности чего-либо является то, что люди действительно этого желают» [Милль, 2013, с. 137–139]. На основании этой аналогии он утверждает, что конечные цели людей, которые формируют понятие нравственного блага, можно вывести из их фактических целей. Следовательно, по мнению утилитаризма, счастье составляет единственную цель жизни людей, поскольку люди фактически желают счастья [Милль, 2013, с. 137]. «Будучи, согласно мнению утилитаристов, целью человеческой деятельности, этот идеал неизбежно воплощает и сам стандарт нравственности, и, соответственно, является источником всех остальных человеческих принципов и правил поведения...» [Милль, 2013, с. 61]. Таким образом, счастье, которое сначала выводится утилитаристами из наблюдения за поведением, затем возводится в ранг морального императива.

Однако аналогия этических построений с естественно-научным познанием, проведенная Миллем, требует критического осмысления. С точки зрения автономной этики нравственная желательность чего-либо предполагает элемент должностования, формирует идеал и императив, а не просто свидетельствует о фактическом наличии желания чего-либо. Скажем, желательность добра не может быть выведена из того факта, что люди действительно стремятся к добру, а, скорее, наоборот, часто противоречит фактическим стремлениям. Исследователи этики Милля также считают данный утилитаристский принцип обоснования счастья несостоятельным, поскольку невозможно выводить категории должного из категорий видимого [Рассел, 1993, с. 293]. То есть считать, что если люди действительно стремятся к счастью, то счастье есть конечная желаемая вещь, нет никаких оснований [Schefczyk]. Следствием такого подхода, по мнению Б. Рассела, является то, что «этика снижается до благоразумия» [Рассел, 1993, с. 293]. Как мы знаем, правильность поведения в современной экономической теории измеряется его рациональностью, тогда как собственно этическое измерение действий остается за рамками «чистой» науки. Таким образом, прагматизм Бентама и стремление Милля к позитивному анализу поведения подготовили своего рода этическую «почву» для рассмотрения добродетели в границах рациональности как последовательной реализации собственного интереса (индивидуального представления о счастье).

1.2. Критерий моральной оценки

Бентам и Милль считают, что моральной оценке подлежат только объективные последствия, такие как польза или вред, а не мотивы или руководящие принципы действия [Бентам, 1998, с. 93; Милль, 2013, с. 33–35]. Как уже упоминалось выше, в разработке этически значимых понятий Бентам отдает приоритет их практической применимости и действенности перед их умозрительным смыслом. С его

точки зрения, безразлично, может ли нравственное понятие о плохом и хорошем быть взято из другого источника, помимо принципа полезности, главное — как этот вопрос решается в правовой практике [Бентам, 1998, с. 25]. Желательное или этически правильное последствие действия выражается в увеличении счастья, как более полного и точного обозначения пользы, ассоциирующегося с удовольствием [Бентам, 1998, с. 10]. Таким образом, принцип полезности одобряет действия на предмет их соответствия цели увеличения счастья [Бентам, 1998, с. 10].

Утилитаризм Милля и Бентама переводит этические аспекты поведения исключительно в наблюдаемую плоскость: за счет замены категорий должного наблюдаемыми целями, а также признания моральной значимости только последствий действий (в соответствии с критерием увеличения счастья). Утилитаристская этика не касается оценки мотивов, тем самым формально закрывая пространство для рассмотрения любых метафизических сущностей.

2. Этический аспект

Исследование собственно этических вопросов сконцентрировано у Бентама в его фундаментальном трактате «Введение в основания нравственности и законодательства», у Милля — в двух эссе: «Утилитаризм» и «О свободе». Можно выделить три этапа в логическом переходе от добродетели к рациональности: 1) понимание пути к счастью как рационального поведения, направленного на общественную пользу; 2) постулирование социальной природы нравственности и исключение индивидуальных целей (мотивов) из поля этической оценки; 3) интеграция должного и желаемого в рамках единого понятия пользы. Рассмотрим последовательно каждый из них.

2.1. Счастье «по-утилитаристски»: «просвещенная благосклонность» versus себялюбие

Как мы уже писали, Бентам и Милль формируют свою этическую доктрину на базе гедонизма. С их точки зрения, удовольствие является не только фактической конечной целью действий людей, но и единственным содержанием понятия морального блага [Бентам, 1998, с. 9; Милль, 2013, с. 45]. В качестве обобщенного понятия удовольствия ими используется категория *счастья*: «Под счастьем подразумевается удовольствие и отсутствие боли ... Удовольствие и свобода от страдания являются в конечном счете единственными вещами, которых желают люди...» [Милль, 2013, с. 45]. Затем формулируется верховный критерий нравственности — принцип полезности, который состоит в стремлении к достижению наибольшего счастья для наибольшего числа людей [Бентам, 1998, с. 9–10; Милль, 2013, с. 45]. Таким образом, происходит переход от индивидуального к общественному измерению счастья.

Характерной особенностью Бентама является то, что он не углубляется в философское содержание понятия удовольствия, а, напротив, стремится дать ему исчерпывающую описательную характеристику. Удовольствия в целом, согласно Бентаму, могут быть обращены как внутрь себя (1), так и вовне (2) [Бентам, 1998, с. 56]. К первым Бентам относит, помимо прочего, удовольствие от дружбы (как выгоды от даровых услуг) и благочестия (как веры в особое благоволение Бога);

ко вторым — только удовольствие благосклонности или симпатии [Бентам, 1998, с. 48–49, 56]. Удовольствие благосклонности выражается в отождествлении блага других людей со своим собственным, т. е. фактически сливается с симпатией как таковой: «Под связями человека через симпатии я разумею число и свойства лиц, в благосклонности которых он принимает такое участие, что идея их счастья может доставить ему удовольствие, а идея их несчастья — страдание» [Бентам, 1998, с. 70].

Далее Бентам выдвигает иерархию удовольствий в соответствии с нормативным критерием полезности. Он утверждает, что «требования полезности суть не что иное, как требования наиболее обширной и просвещенной (т. е. хорошо обдуманной) благосклонности» [Бентам, 1998, с. 147–148]. Принцип полезности здесь не просто отражает положительную сумму результатов индивидуальных эгоистических действий, но и предполагает индивидуальные действия во имя общего блага (счастья). Этот переход в рамках одной и той же формулы наибольшего счастья является принципиальным. По существу высшим благом (самостоятельной ценностью) объявляется удовольствие благосклонности, нравственное совершенство которой измеряется масштабом ее распространения и рациональностью лица, от которого она исходит. В терминах Бентама удовольствие от проявления доброй воли соответствует совершенной рациональности индивида, для которого границы собственного счастья расширяются до пределов общественного блага.

В завершение своего трактата Бентам резюмирует структуру этической концепции утилитаризма. Он пишет, что счастье человека зависит от (а) собственных интересов и (б) интересов других [Бентам, 1998, с. 373–374]. Он поясняет, какие мотивы побуждают человека, преследующего собственные интересы, к принятию в расчет счастья других (т. е. к честности и благотворительности): «Во-первых, он при всех случаях имеет чисто общественный мотив симпатии или благосклонности; во-вторых, в большей части случаев он имеет полуобщественные мотивы любви к дружбе и любви к репутации» [Бентам, 1998, с. 374–375]. Получается, что концепция собственного интереса включает не только себялюбие, но и фактически симпатию как мотив, направленный на реализацию общественного блага (счастья других). Более того, именно масштаб симпатических чувств индивида парадоксальным образом измеряет степень его рациональности, т. е. соответствия его поведения принципу полезности. Несмотря на ожесточенную критику Бентамом смитианского принципа симпатии как фиктивного морального основания [Бентам, 1998, с. 22], он вновь «оживает» в его собственной утилитарной модели поведения в качестве наиндивидуального начала.

По сравнению с Бентамом, Милль расширяет понятие индивидуального счастья в сфере частной этики. Если у Бентама принцип полезности рассматривался в плоскости общественного взаимодействия, т. е. в горизонтальном измерении, то у Милля большое внимание уделяется также вертикальному измерению.

Вертикальное измерение: индивидуальное счастье

У Бентама понятие субъективного удовольствия, стремление к которому составляет частный интерес, сливается с понятием объективного блага для человека [Божар, 2016, с. 423–424]. Предполагается, что человек не может сознательно себе навредить, предаваясь удовольствиям, что регулируется его рациональностью. Формальным свидетельством объективного характера индивидуальных удоволь-

ствий, по Бентаму, является принципиальная возможность количественного исчисления удовольствий как для одного индивида, так и для межличностных сравнений. Такой подход предполагает наличие общего знаменателя (единицы измерения) для разного рода удовольствий в рамках индивидуального подсчета, т. е. «плоскую» шкалу оценивания (не говоря уже об общественной сумме) [Сен, 1996, с. 90–91].

Понимая ограниченность такого представления, Милль вносит важное дополнение к традиционному пониманию утилитаризма. Он пишет: «Впрочем, следует признать, что авторы-утилитаристы, как правило, ставят ментальные удовольствия выше телесных в основном за счет того, что они более долговечны, надежны, не требуют особых затрат и проч., т. е. скорее за счет сопутствующих преимуществ, чем благодаря их внутренней природе... Однако они могли бы занять и более высокие, если можно так выразиться, позиции, совершенно лишенные каких-либо внутренних противоречий. Например ...принять, что некоторые виды удовольствий являются более предпочтительными и ценными, чем другие» [Милль, 2013, с. 47–49]. Вместо плоской шкалы оценки удовольствий Милль предлагает принять их *качественную градацию*, основанную на определении их объективного ранга. Это связано с тем, что, по его мнению, «духовные запросы» личности (высшие удовольствия) по своему внутреннему качеству, независимо от их интенсивности, имеют приоритет перед низшими потребностями [Милль, 2013, с. 59]. Таким образом, по вопросу об иерархии предпочтений взгляды Бентама и Милля соответствуют двум противоположным позициям в теории благосостояния — кардиналистской и ординалистской соответственно. В XX в. возможность межличностных сравнений в рамках кардинализма была подвергнута сокрушительной критике. В связи с этим Л. Роббинс писал, что теория «общественной полезности» является всего лишь «случайным последствием исторической связи английской экономической теории с утилитаризмом» [Роббинс, 2012, с. 118].

В защиту своего «качественного утилитаризма» [Schefczyk] Милль, подобно Локку и Смигу, использует параллельно два уровня аргументации — эмпирический и философский [Сушенцова, 2015]. С одной стороны, различие в качестве удовольствий обосновывается *опытом* наиболее искушенных людей: «Если одному из двух удовольствий все или почти все, кто имел опыт получения обоих, отдавали решительное предпочтение, независимо от какого-либо чувства моральной обязанности его предпочитать, — значит, это более желательное удовольствие» [Милль, 2013, с. 49]. Однако в таком случае предполагается, что удовольствия высших разрядов не просто субъективно приятны для индивида, но имеют и какую-то объективную ценность. Почему в конечном итоге индивид должен руководствоваться опытом других людей, пусть и многочисленных? Иными словами, неясно, как факты могут трансформироваться в индивидуальное оценочное суждение? В этом, на наш взгляд, проявляется основная коллизия Милля — попытка увязать наблюдаемые удовольствия (оставаясь в рамках утилитаризма) с объективными автономными ценностями. В связи с этой трудностью Милль разворачивает аргументацию на философском уровне. Он обнаруживает объективное содержание понятия счастья в чувстве *собственного достоинства*, которое «составляет столь существенную долю счастья тех, в ком оно сильно выражено, что нет и не может быть никакой... альтернативы, которая могла бы взамен быть предметом их желаний»

[Милль, 2013, с. 53]. Милль проводит принципиальную черту между категориями счастья и довольства. Последнее выражает субъективное удовлетворение человека, довольствующегося низшими потребностями, которого оказывается недостаточно для признания его счастливым (и соответствующим принципу полезности). «Лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньей, недовольным Сократом, чем довольным глупцом», — вот квинтэссенция этической позиции Милля [Милль, 2013, с. 53–55]. Утверждение того, что человеческое совершенство принципиально важнее субъективного довольства, не только бросает вызов субъективизму, но и вновь актуализирует вопрос об объективной и автономной природе ценностей, в том числе нравственных. Позднее У. Джевонс критиковал понимание счастья Миллем за то, что оно предполагает внешнюю моральную оценку и, следовательно, прямо ставит под сомнение субъективную теорию полезности» [Сиго, 2016б, с. 275]. По этой причине «качественный утилитаризм» Милля не оказал существенного влияния на дальнейшее развитие экономической теории, в том числе нормативной теории благосостояния [Сиго, 2016б, с. 296].

Но на этом Милль останавливает свое философское рассуждение. Приоритет духовных потребностей человека не может быть необходимым условием утилитаризма, так как его стандарт ориентирован на счастье всех, а не отдельной личности [Милль, 2013, с. 59]. Попытка углубить ценностный фундамент утилитаризма сталкивается с его собственной внутренней нормой, которую можно выразить как приоритет количества счастливых людей над качеством счастья отдельных личностей. Тем самым Милль дает понять, что его экскурс в частную этику по отношению к основной утилитарной доктрине создает скорее «надстройку» рекомендательного характера.

Милль резюмирует свое понимание счастья следующим образом: «...в соответствии с Принципом Наибольшего Счастья высшая цель... — это жизнь, по возможности свободная от страданий и полная удовольствий, как в смысле количества, так и качества. Умение оценивать качество и соотносить его с количеством является преимуществом тех, кому посчастливилось приобрести соответствующий опыт, и в сочетании со способностью к самоанализу и самоконтролю оно является наилучшим инструментом для подобного рода сравнений» [Милль, 2013, с. 61]. Как мы видим, утилитаристский идеал доступен не всем. Характерно, что основные причины неудовлетворенностью жизнью Милль усматривает в себялюбии и недостатке умственного развития [Милль, 2013, с. 67]. Этот сценарий в точности соответствует нарушению принципа полезности у Бентама, понимаемого как «широкая и просвещенная благосклонность» [Бентам, 1998, с. 147–148]. Выражаясь в современных терминах, преодоление эгоизма и торжество рациональности являются необходимым условием удовлетворения от жизни как базовой цели утилитаризма. Бросается в глаза близость этого понятия к более формальной современной трактовке «удовлетворения предпочтений» как цели экономических действий [Хасман, Макферсон, 2012, с. 285]. Однако в современной модели экономического поведения отсутствуют ограничения эгоизма, которые являются краеугольным камнем для Милля (и даже существенным тезисом для Бентама), основное внимание сосредоточено на рациональной процедуре индивидуального выбора.

Милль считает, что в силу несовершенной формы общественного устройства высшей формой реализации утилитаристских ценностей является самопожертвование: «В нынешних условиях именно сознательная способность обходиться без счастья создает для нас наибольшие перспективы и надежды на достижение максимально возможного счастья в будущем» [Милль, 2013, с. 75]. Однако вслед за Бентамом Милль отвергает внутреннюю ценность аскетизма и делает важную оговорку о цели и границах такой жертвы с точки зрения утилитаристской этики: «Только то самоотречение она приветствует, которое совершается ради счастья других... в пределах, ограниченных все же коллективными интересами человечества» [Милль, 2013, с. 77]. Объективная основа высшего морального блага здесь имеет внешнюю природу и проявляется в общественно полезных последствиях.

Обозначив высшую желательную добродетель в утилитаристском понимании, Милль переходит к описанию нравственного требования, которое простирается от идеала до обязательного минимума для большинства. По его словам, этическим идеалом утилитаризма является равнозначность собственного счастья и счастья других в индивидуальном сознании, как если бы поведение человека регулировалось беспристрастным наблюдателем [Милль, 2013, с. 77]: «В золотом правиле Иисуса из Назарета мы видим духовное содержание, которому в полной мере отвечает этика утилитаризма: поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе; люби ближнего, как себя самого...». Таким образом, Милль постулирует «золотое правило нравственности» [Гусейнов], которое является квинтэссенцией всех естественных законов и имеет божественное основание. По мнению Милля, за формирование таких представлений и соответствующих объективных условий в ответе законы, образование и общественное мнение. Во-первых, законы должны обеспечить «гармоничное сочетание интересов каждого индивидуума (в практическом смысле обеспечивающих его счастье) с общими интересами...» [Милль, 2013, с. 77–79]. Во-вторых, «образование и общественное мнение» должны воспитать в человеке «понимание неразрывной связи между его личным счастьем и общим благом», а также «привычную готовность» действовать в интересах последнего [Милль, 2013, с. 79].

Милль поясняет, что в практическом смысле для большинства людей необязательно руководствоваться в своих действиях исключительно соображениями морального долга. Скорее, наоборот, мотивы поступков должны быть сконцентрированы на реализации своей индивидуальной миссии: «Цель подавляющего большинства хороших поступков состоит не в увеличении мирового блага, а в получении полезных результатов для конкретных людей, что и дает в совокупности увеличение мирового блага» [Милль, 2013, с. 83]. Здесь происходит перенесение акцента с индивидуального на общественное измерение этики, «эффективность» индивидуальных действий, а значит, это шаг на пути к системе конкуренции. Наконец, своего рода моральным минимумом любого «цивилизованного человека» является отказ от частной выгоды, сулящей негативные общественные последствия [Милль, 2013, с. 85]. Причем именно потенциальный вред обществу является основанием морально неправильных поступков. Индивидуу вменяется в моральную обязанность осознавать общественные последствия своих действий и, соответственно, общую ценность правдивости в обществе, т. е. действовать по принципу

«Честность — лучшая политика» [Милль, 2013, с. 95–97]. Это напоминает призыв к совершенной рациональности или предусмотрительному благоразумию, как и у Бентама.

Таким образом, у Милля намечается иерархия в рамках горизонтального измерения счастья, каждый из уровней понимания которого нравственно допустим (см. табл.).

Горизонтальное измерение счастья по Миллю: три ценностных уровня

Ценностный ранг	Содержание понятия счастья
Идеал	Самопожертвование
Требование	Равнозначность своего и чужого счастья
Минимум	Приоритет собственного счастья в общественно допустимых пределах

Составлено по: [Милль, 2013, с. 77–97].

2.2. Социальная природа нравственности

Ответ на вопрос об основном акценте в этике Милля обнаруживается в его эссе «О свободе». Задача этой работы — разграничить сферы индивидуальной и общественной жизни, свободы и ответственности [Милль, 1866, с. 6]. Милль повторяет ранее высказанную мысль о том, что морально порицаемыми поступки делает только неуважение интересов других людей, а не личные убеждения или мотивы: «Одним словом, все, что причиняет прямой вред индивидууму или обществу или включает в себе прямую опасность вреда для них, все это должно быть взято из сферы индивидуальной свободы и должно быть отнесено к сфере нравственности или закона» [Милль, 1866, с. 60]. Таким образом, критерий нравственности поступков смещается в сферу *вреда или пользы общества*. Пренебрежение своими интересами (неблагоразумие) влечет за собой потерю уважения, т. е. наказывается «карою общественного мнения», но еще не является нравственным пороком [Милль, 1866, с. 55]. Только нарушение правил поведения по отношению к другим людям достойно нравственного осуждения и наказания. Эти правила состоят из обязанностей индивида (1) не нарушать законных прав других и (2) «выполнять приходящуюся на его долю часть... трудов и жертв, необходимых для защиты общества или его членов от вреда и обид» [Милль, 1866, с. 55]. Поэтому с точки зрения нравственности общественное (горизонтальное) измерение поступков важнее, чем личное (вертикальное): «Я не менее, чем кто-либо, высоко ценю личные добродетели, я утверждаю только, что по сравнению с социальными добродетелями они стоят на втором месте, если только еще не ниже» [Милль, 1866, с. 55].

Один из западных исследователей этики Милля усматривает в его этической концепции различие объективно правильных и морально правильных действий [Schefczyk]. В смысле объективной правильности (оснований нравственности) действие должно иметь своим результатом увеличение счастья. В смысле морального обязательства действие должно соответствовать социальным правилам, которые увеличивают счастье. Человек не в силах соотносить свои поступки с объективной правильностью (оценкой беспристрастного и всевидящего наблюдателя), поэтому не обязан всегда максимизировать счастье [Schefczyk]. Но он обязан следовать принятым правилам, которые увеличивают счастье. Милль пишет: «В течение всего

этого времени человечество на опыте познавало, каковы могут быть последствия тех или иных действий; именно этот опыт и является источником житейской мудрости, равно как и общественной морали» [Милль, 2013, с. 99]. У Милля предполагается, что сложившиеся нормы отвечают наибольшему возможному счастью и индивид должен прибегать к исчислению ожидаемой пользы, только если социальные правила конфликтуют [Милль, 2013, с. 107; Schefczyk]. Если бы действительно надо было максимизировать пользу в каждом отдельном случае, то убийство могло бы быть оправдано, а этого Милль допустить не может [Schefczyk]. Шевчук делает вывод о том, что нравственность, по Миллю, строится на *социальных нормах*, а не автономных принципах, как это было, например, у И. Канта.

Фактически в эссе «О свободе» Милль устанавливает границу вмешательства этики в частную жизнь, определяя нравственное через общественное — т. е. все, что касается общества. Индивидуальная свобода остается, по сути, вне нравственной проблематики, в отличие, например, от Смита и его мира «беспристрастного наблюдателя» в «Теории нравственных чувств» [Kerpler, 2010]. Границы индивидуальной свободы образуют своеобразную «капсулу», к которой нравственные требования не имеют доступа и которая сама по себе возводится в ранг ценности. Заметим, что в экономической теории индивидуальные цели рассматриваются как принципиально произвольные и не подлежащие внешнему контролю и оценке¹. У Милля в защиту данного тезиса опять же приводится аргумент общественной пользы. Он пишет, что раскрытие человеческой индивидуальности, самобытности — «один из главных ингредиентов благосостояния человечества и самый главный ингредиент индивидуального и социального прогресса» [Милль, 1866, с. 41]. По Миллю, свобода индивида важнее, чем его неблагоразумие или нерациональность, поскольку она плодотворна для общества. Поэтому общество не должно вмешиваться в индивидуальную жизнь с целью сделать ее более рациональной, его воздействие на человека может иметь только рекомендательный характер² [Милль, 1866, с. 56].

В итоге в иерархии ценностей Милля наблюдается синтез социальной ответственности и индивидуальной свободы при явном доминировании первой. Он становится возможным за счет, с одной стороны, воспитания в человеке ответственности за общественное благо, с другой — охраны неприкосновенности индивидуальной свободы. Можно резюмировать, что «воспеванию» первой из них неявно посвящено эссе «Утилитаризм», а второй — «О свободе». Если у Бентама рациональность непосредственно отождествляется с добродетелью, то у Милля видна дистанция между ними. Он разводит их сферы действия через разграничение, соответственно, индивидуальной и общественной ответственности индивида. Но это вопрос времени, а не принципа. Они должны слиться в перспективе за счет усиления общественного «воспитания» людей. Кроме того, их принципиальная интеграция утверждается Миллем, равно как и Бентамом, на основе слияния понятий пользы и справедливости: то, что полезно, должно быть и справедливо.

¹ Этот тезис коррелирует с принципом «этического индивидуализма» в современной экономической теории [Хаусман, Макферсон, 2012, с. 284].

² По Миллю, прямое вмешательство общества в частную жизнь оправдано только на стадии воспитания и образования.

2.3. Принцип пользы: синтез долга и желаний

Провозглашение принципа пользы в качестве верховного нравственного критерия направлено на *нивелирование конфликта должного и желаемого* за счет расширенного понимания удовольствия. Именно это утверждение открывает путь для будущей формализации и универсализации экономической модели поведения — рационального выбора с целью увеличения благосостояния [Хаусман, Макферсон, 2012, с. 285–287].

Бентам уделяет этой проблеме всего лишь один небольшой пункт под названием «Ответ на возражения против принципа полезности» [Бентам, 1998, с. 31]. Традиционный конфликт собственного интереса и долга (добродетели) Бентам рассматривает как проблему сравнения и столкновения различных интересов и, соответственно, *предпочтения* наиважнейшего из них (т. е. как проблему правильного предпочтения). Он пишет: «Добродетель есть пожертвование меньшим интересом большему интересу, минутным интересом — продолжительному, сомнительным — несомнительному» [Бентам, 1998, с. 31]. Следовательно, причина нравственно дурных поступков может быть связана лишь с нерациональностью индивида: «Слабый и ограниченный ум обманывается, принимая в соображение только небольшую часть разных родов добра и зла» [Бентам, 1998, с. 32].

В дальнейшем изложении Бентам приходит к формулировке принципа полезности как «просвещенной благосклонности», которая подобает цивилизованному народу [Бентам, 1998, с. 165]. Значит, столкновение между мотивами возможно только в случае ограниченной просвещенности — неспособности индивида учесть все задействованные интересы [Бентам, 1998, с. 172]. Так, добродетель отождествляется с совершенной рациональностью и по сути заменяется ею: «Все действия самой возвышенной добродетели можно легко привести к расчету благ и зол» [Бентам, 1998, с. 34]. В таком случае, моральная оценка действия касается лишь умственных способностей и трезвости, последовательности человека, а не его добродетельности как нравственной сознательности. Такая оценка вообще теряет характер моральной. Утилитаризм в лице Бентама, таким образом, переводит этические рассуждения из плоскости нормативной в позитивную — из сферы нравственности в сферу рационального выбора.

Затем Бентам переходит к общественному измерению морального долга: «Чувство долга, которое привязывает людей к их обязательствам, есть не что иное, как чувство интереса высшего разряда, который берет верх над интересом подчиненным. На людей оказывает влияние не одна только частная польза того или другого обязательства, но в случае, когда обязательство становится отяготительным для одной из сторон, на них оказывает влияние общая польза обязательств, доверие, которое каждый просвещенный человек желает внушить к своему слову, чтобы считаться человеком надежным и пользоваться выгодами, связанными с честностью и уважением» [Бентам, 1998, с. 33].

Нормативный элемент рассуждений Бентама проявляется в том, что общественные интересы всегда должны перевешивать частные в индивидуальном выборе. Например, не может быть такого сценария, при котором количество индивидуального удовольствия от преступления превысило бы страдания от него. Хотя, строго говоря, это не следует из его теории. Можно вообразить случаи, когда выгода от преступления превысит затраты, в противном случае доверие должно быть

чем-то большим, чем просто количественный параметр. Согласно Бентаму, доверие априори ценнее всех возможных благ, полученных преступным путем. У него подспудно предполагается, что законодательство должно быть построено таким образом, чтобы предотвратить смещение баланса выгод в пользу совершения преступления. Формально отстаивая последовательный индивидуализм, сам Бентам стремится занять позицию объективного законодателя, который оценивает последствия индивидуальных действий со стороны. Этот «пробел» в позиции Бентама сформулировал Б. Рассел в своей «Истории западной философии» в виде следующего выражения: «Если каждый человек гонится за собственным благополучием, то как мы сможем гарантировать, что законодатель будет заботиться об удовольствии человечества в целом?» [Рассел, 1993, с. 292]. Как отмечает Н. Сиго, французская исследовательница утилитаризма, Бентам пытался теоретически устранить этот конфликт интересов в других трактатах по праву, где он разрабатывает систему материальных стимулов для чиновников, понижающую вероятность злоупотреблений с их стороны [Сиго, 2016а, с. 258]. Как мы видели, Милль пытался смягчить это противоречие путем перенесения акцента на общую пользу соблюдения правил, а не на подсчет пользы в каждом конкретном случае [Милль, 2013, с. 99].

Милль вслед за Бентамом отдает абсолютный приоритет пользе над долгом: «Утилитаризм дает верховный критерий (который необходим для разрешения более частных противоречий) — принцип пользы, который является высшим по отношению к моральному долгу» [Милль, 2013, с. 107]. У Милля конфликт долга и желаний преодолевается, с одной стороны, за счет «возвышения» желаний до масштаба общего блага, с другой — за счет встраивания долга в стремление к пользе.

*Добродетель и справедливость — инструменты достижения
общественной пользы*

Милль провозглашает счастье конечной целью любой осмысленной деятельности, что и составляет суть понятия пользы [Милль, 2013, с. 139]. Возникает вопрос: как эта цель соотносится со стремлением к добродетели, иными словами, имеет ли последняя самостоятельную ценность? В целом Милль считает, что к добродетели надо стремиться безотносительно выгоды или благоприятных последствий [Милль, 2013, с. 141], однако по отношению к счастью она играет подчиненную роль. Во-первых, добродетель может служить средством достижения счастья: утилитаризм «все же настойчиво подчеркивает настоятельную необходимость воспитания в людях любви к добродетели как наиважнейшего условия достижения всеобщего счастья» [Милль, 2013, с. 147]. Во-вторых, добродетель может быть элементом счастья для тех, кому она приносит наслаждение сама по себе: «Добродетель, если строго следовать утилитаристской доктрине, не является ни по существу, ни по происхождению частью конечной цели, однако вполне может ею быть... для тех, кто любит ее бескорыстно, рассматривая как часть своего счастья, но не как средство его достижения» [Милль, 2013, с. 143].

Интеграцию понятия справедливости в принцип пользы Милль считает главной задачей в обосновании этики утилитаризма. Идею справедливости в целом он определяет как «наличие неотъемлемых прав у каждого индивидуума» [Милль, 2013, с. 221]. В рамках общей идеи выделяются два аспекта — непричинение вреда друг другу (коммутативный) и воздаяние по заслугам (дистрибутивный). В первом

случае справедливость олицетворяет правила, которые охраняют самые насущные потребности в обществе — безопасность и мир. Поэтому они обладают «абсолютной обязательностью» и являются первым необходимым условием счастья людей [Милль, 2013, с. 221]. Второй аспект определяется как «высший, обобщающий критерий социальной и распределительной справедливости», который состоит в следующем: «...общество должно поступать одинаково хорошо по отношению ко всем, чьи заслуги перед ним абсолютно равнозначны» [Милль, 2013, с. 229]. Милль считает, что именно утилитаристский принцип «Каждый должен считаться за одного, и никто не может претендовать на большее», предложенный Бентамом, создает необходимое обоснование для реализации распределительной справедливости [Милль, 2013, с. 231]. Здесь еще раз проявляется особый *социальный* уклон утилитаристской концепции Бентама и Милля, в том числе самостоятельная ценность равенства прав на счастье, а значит, и прав на средства его достижения [Милль, 2013, с. 233].

Итак, Милль постулирует органическое единство принципов пользы и справедливости: «**что справедливо, то и полезно**» [Милль, 2013, с. 237]. Различие проявляется лишь в особом чувстве, присущем справедливости [Милль, 2013, с. 237]. Первоначально интенсивность этого чувства была связана с инстинктом самосохранения [Schefczyk]. В ходе дальнейшего развития общества оно приобретает моральный характер — из расширенной симпатии и разумного собственного интереса, т.е. заинтересованности каждого члена общества в соблюдении правил справедливости [Schefczyk]. В целом идея справедливости составляет своего рода базис «пирамиды» общественной пользы, без которого невозможна реализация более высоких потребностей человека: «Итак, справедливость есть подходящее собирательное название для некоторых полезных **инструментов** общественной жизни, которые намного более важны и потому обладают **большим авторитетом и обязующей силой**, чем любые другие инструменты подобного рода...» [Милль, 2013, с. 239].

Соотношение индивидуальных и общественных интересов

Традиционно считается, что с позиций утилитаризма человек должен стремиться к реализации собственных интересов, остальное его не касается. У Бентама этот принцип формально соблюдается: любые неэгоистические мотивы, включая благожелательность, благочестие, дружбу, проходят через призму собственного удовольствия. Милль в целом разделяет такой взгляд, констатируя счастье конечной индивидуальной целью. Но в то же время он допускает действия, которыми руководит и прямой отказ от собственного счастья в пользу счастья других (идеал самопожертвования). Такая жертва не трактуется им в духе Бентама, как своеобразный тип личного удовольствия. Таким образом, Милль допускает выход за пределы собственного интереса в рамках индивидуальной мотивации.

Главная особенность классиков утилитаризма состоит в том, что направленность индивидуальных действий к общественному благу не только проходит красной нитью через их тексты, но и нормативно превозносится ими в качестве ценности. Это выражается в том, что общественное благо встраивается в границы индивидуального интереса. Необходимым условием этого является рациональность, которая у Бентама называется *просвещенностью*, у Милля — *сознательностью*.

Именно способность поставить общественное благо в приоритет над своим частным интересом, оставаясь в рамках индивидуального свободного выбора, есть одновременно вершина рациональности и этический идеал утилитаризма. У Бентама своеобразная «общественная закваска» индивида проявляется в его умении мыслить общественными категориями, т. е. она составляет своего рода собственный интерес широкого масштаба. Она получает статус неявной нормы в рассуждении о доверии в обществе, которое имеет ценность безотносительно соображений пользы.

Милль идет дальше в своей аргументации. Он пишет, что рациональность есть продукт воспитания, общественного воздействия, но при этом ее развитие возможно благодаря естественной основе в человеке — «чувству общности»: «В каждом индивидууме уже достаточно глубоко укоренилось **представление о себе как о существе социальном**, в котором все более естественным становится стремление к тому, чтобы все его думы и чаяния были в гармонии с чувствами ближних» [Милль, 2013, с. 133]. По сравнению с традицией общественного договора Бентам и Милль тяготеют к более эволюционной модели общественной координации, за счет усиления «нагрузки» на индивидуальный интерес. При этом Милль, подобно Локку [Локк, 1988, с. 26], усматривает естественную склонность к обществу в природе человека [Милль, 2013, с. 131]. Задача общества состоит в укреплении этого благородного корня за счет внешних санкций и воспитания.

Заключение

В целом в текстах Бентама и Милля намечается подготовка философско-методологической «почвы» для гуманитарных наук и особенно экономической науки.

Во-первых, важным методологическим сдвигом можно считать принятие *опыта* в качестве основы для определения моральных понятий и конечных целей человеческой деятельности. Это условие радикально ограничивает пространство этической оценки, с одной стороны, только наблюдаемыми последствиями действий, с другой — их соответствием всеобщей фактически преследуемой людьми цели, которая признается единственным моральным критерием (удовольствие или счастье). Однако суть его все равно остается размытой и противоречивой, что создало необходимость существенно «урезать» его содержание в современной экономической теории. В целом опора на понятие счастья в интерпретации предпочтений и благосостояния никогда не уходила из общего направления мысли экономистов [McQuillin, Sugden, 2012].

Во-вторых, речь идет о «переформатировании» человеческого поведения из координат *нравственного* выбора и оценки в термины *рациональности*. Это происходит за счет установления главной цели и принципа счастья как всеобщей однородной цели, в которой стирается конфликт долга и желания. Выделим три основных этапа в этом смысловом переходе.

1. Масштаб полезности человеческих действий измеряется благотворным влиянием на общество, в противовес себялюбию. Расчет долгосрочных и общественно значимых последствий своих действий — суть правильного поведения с точки зрения утилитаризма. Соответственно, «порок» с позиций утилитаристской этики состоит не в пренебрежении долгом в угоду пользе, а в неспособности правильно оценить и соотнести различные интересы, т. е. в нерациональности.

2. Поскольку моральная оценка касается только общественно значимых последствий, индивидуальные цели и мотивы выходят из-под этического контроля и устанавливаются человеком произвольно.

3. Наконец, счастье органично увязывается с понятием долга, поскольку в первом заключается единственное моральное благо; и наоборот, нравственная ценность справедливости, по Миллю, зиждется на охране самых насущных потребностей. Преодоление традиционного конфликта долга и счастья создает возможность для выработки единой шкалы предпочтений (разнородных, но сравнимых), а также увеличения возможности количественно оценить сумму счастья (Бентам — с кардиналистской точки зрения, Милль — с ординалистской).

Итак, перечисленные выше поведенческие постулаты, такие как рациональность (расчет последствий), произвольность индивидуальных целей, а также однородная шкала предпочтений, стали основополагающими характеристиками модели человека, разделяемой большинством экономистов XX в. Они получили философское обоснование в первую очередь благодаря классическим утилитаристам [Хаусман, Макферсон, 2012, с. 280–287; Сен, 2016, с. 313–314]. Однако начиная с 1970-х годов именно эти постулаты были поставлены под сомнение в рамках пересмотра традиционной экономики благосостояния, возрождения теории общественного выбора и формирования экономических теорий справедливости [Божар, 2016]. На наш взгляд, это означает вовсе не крах утилитаризма, а, скорее, актуализацию «отступлений» Бентама и Милля от его общепринятого понимания, которые были упомянуты в тексте. Речь идет о «парадоксе законодателя» Бентама, в котором раскрывается этическая дилемма между свободой индивидуальных целей и объективным благом для общества (значимого с позиций законодателя). В 1950-х годах это нашло выражение в «теореме невозможности» К. Эрроу, которая доказывала недостаточность информации об индивидуальных полезностях для принятия коллективных решений демократическим путем и дала толчок нормативным дискуссиям по общественному выбору [Сен, 2016, с. 360–361]. У Милля примечательным тезисом является «качественный» взгляд на счастье, который проявляется в необходимости внешней объективной оценки его природы, констатации разнородности предпочтений, особой роли индивидуальной свободы, несводимой к разного рода удовольствиям. Это созвучно современным дискуссиям об иных измерениях благосостояния, помимо удовольствия или полезности, в частности — о критерии «возможностей», который учитывает также ценности свободы, равенства, и деятельности — в противовес достижениям [Сен, 1984; Sugden, 2004; Хаусман, Макферсон, 2011, с. 149–150].

Литература

- Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории. М.: Наука, 1993. 176 с.
- Ананьин О. И. Междисциплинарность и развитие экономического знания // Философские проблемы экономической науки. М.: Институт экономики РАН, 2009. С. 189–208.
- Беккер Г. Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
- Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. 415 с.
- Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ.; науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. С. 107–149.

- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / пер. с англ. 4-е изд. М.: Дело ЛТД, 1994. 720 с.
- Божар А. История нормативной экономической теории. Экономическая теория благосостояния, теория общественного выбора и экономические теории справедливости // Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России / под общ. ред. А.Г.Худокормова. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 388–443.
- Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности: Новая философская энциклопедия. Институт философии РАН, 2007–2010. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1141.html> (дата обращения: 17.10.2015).
- Калмычкова Е. Н., Чаплыгина И. Г. Экономическое мышление: философские предпосылки: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2005. 272 с.
- Локк Дж. Опыты о законе природы // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 3–53.
- Милль Дж. С. Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственном ей // Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / пер. с англ. М.: Эксмо, 2007. (Антология экономической мысли). С. 985–1023.
- Милль Дж. С. О свободе / пер. с англ. А. Н. Неведомского, 1866. URL: <http://www.litres.ru/dzhon-stuart-mill/o-svobode/> (дата обращения: 10.02.2016).
- Милль Дж. С. Утилитаризм / пер. с англ.; предисл. А. С. Земерова. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. 240 с.
- Найт Ф. Этика конкуренции. М., 2009. 605 с.
- Рассел Б. История западной философии / пер. с англ.: в 2 т. М.: «МИФ», 1993. Т. 2. 445 с.
- Роббинс Л. Природа и значение экономической науки // Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 93–123.
- Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода В. Софронов, А. Смирнов. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. 520 с.
- Сен А. Об этике и экономике. М.: Наука, 1996. 162 с.
- Сиго Н. Возникновение и развитие утилитаризма и его роль в политической экономии (Иеремия Бен-там, Джеймс Милль) // Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России / под ред. А. Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 241–270.
- Сиго Н. Уильям Стэнли Джевонс // Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России / под ред. А. Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 272–296.
- Сушенцова М. С. Дж. Локк и А. Смит как моральные философы и экономисты // Философия и методология экономики: предметные рамки и направления развития: сб. статей / под ред. Л. А. Тутова. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 124–133.
- Филатов И. В. О методологии политической экономии Дж. С. Милля // Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. С. 1024–1030.
- Хаусман Д. М., Макферсон М. С. Серьезное отношение к этике: экономическая теория и современная моральная философия // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Автономов (зам. гл. ред.), О. И. Ананьин и др.; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 112–234.
- Хаусман Д. М., Макферсон М. С. Философские основания магистрального направления нормативной экономики // Философия экономики. Антология / пер. с англ.; под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 269–299.
- Чаплыгина И. Г. Виды экономических норм и ценностная нагруженность экономического знания // Философские проблемы экономической науки. М.: Институт экономики РАН, 2009. С. 7–41.
- Hands D. W. Philosophy and economics // The New Palgrave Dictionary of Economics. 2 edition / eds. S. N. Durlauf and L. E. Blume. Palgrave Macmillan, 2008. The New Palgrave Dictionary Online. Palgrave Macmillan. URL: http://82.179.249.32:3072/article?id=pde2008_P000084 (дата обращения: 06.06.2009).
- Hausman D. M. John Stuart Mill's Philosophy of Economics // Philosophy of Science, 1981. Vol. 48, N 3. P. 363–385.
- Hosmer L. T., Chen F. Ethics and economics: growing opportunities for joint research // Business Ethics Quarterly, 2001. Vol. 11, N 4. P. 599–622.
- Keppler J. H. Adam Smith and the Economy of the Passions. Oxford: Routledge, 2010. 163 p.
- McQuillin B., Sugden R. Reconciling normative and behavioural economics: the problems to be solved // Social Choice and Welfare. 2012. Vol. 38, N 4. P. 553–567.
- Schefczyk M. John Stuart Mill: Ethics // The Internet Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://www.iep.utm.edu/mill-eth/> (дата обращения: 01.03.2016).
- Sen A. Well-being, Agency and freedom: the Dewey Lectures 1984 // Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82, N 4 (Apr., 1985). P. 169–221.

- Slote M. *Moral Philosophy, Problems of* // *The Oxford Companion to Philosophy* (2 ed.) / ed. by T. Honderich. Oxford University Press, 2005. 2384 p.
- Sugden R. The Opportunity Criterion: Consumer Sovereignty without the Assumption of Coherent Preferences // *The American Economic Review*. 2004. Vol. 94, N 4. P. 1014–1033.

Для цитирования: Сушенцова М. С. Утилитаризм И. Бентама и Дж. С. Милля: от добродетели к рациональности // *Вестник СПбГУ. Экономика*. 2017. Т. 33, вып. 1. С. 17–35. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.102.

References

- Anan'in O.I. [Interdisciplinarity and the development of economic knowledge]. *Filosofskie problemy ekonomicheskoi nauki* [*Philosophical problems of economic science*]. Moscow, Institut ekonomiki RAN Publ., 2009, pp. 189–208. (in Russian)
- Avtonomov V.S. *Chelovek v zerkale ekonomicheskoi teorii* [*Human in the mirror of economics*]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 176 p. (in Russian)
- Bekker G. *Chelovecheskoe povedenie. Ekonomicheskii podkhod* [*Human behavior: Economical approach*]. Moscow, GU VShE Publ., 2003. 672 p. (in Russian)
- Bentam I. *Vvedenie v osnovaniia npravstvennosti i zakonodatel'stva* [*An introduction to the principals of morals and legislation*]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 1998. 415 p. (in Russian)
- Blaug M. *Ekonomicheskaiia mysl' v retrospektive* [*Economic theory in retrospect*]. Transl. from engl., 4th ed. Moscow, Delo LTD Publ., 1994. 720 p. (in Russian)
- Blaug M. *Metodologiia ekonomicheskoi nauki, ili Kak ekonomisty ob"iasniaiut* [*The methodology of economics, or how economists explain*]. Transl. from engl., nauch. red. i vstup. st. B. C. Avtonomov. Moscow, NP "Zhurnal Voprosy ekonomiki", 2004, pp. 107–149. (in Russian)
- Bozhar A. [History of normative economics. Welfare economics, theory of social choice and economic theories of justice]. *Ekonomicheskaiia teoriia v istoricheskoi razvitiu: vzgliad iz Frantsii i Rossii* [*Economics in historical development: The view from France and Russia*]. Ed. by A. G. Khudokormov. Moscow, INFRA-M Publ., 2016, pp. 388–443. (in Russian)
- Chaplygina I. G. [Types of economic norms and value loading of economic knowledge]. *Filosofskie problemy ekonomicheskoi nauki* [*Philosophical problems of economic science*]. Moscow, Institut ekonomiki RAN Publ., 2009, pp. 7–41. (in Russian)
- Filatov I. V. [On the methodology of political economy of J.S. Mill]. Mill J.S. *Osnovy politicheskoi ekonomii s nekotorymi prilozheniiami k sotsial'noi filosofii* [*Principals of political economy with some of their applications to social philosophy*]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, pp. 1024–1030. (in Russian)
- Guseinov A. A. *Zolotoe pravilo npravstvennosti: Novaia filosofskaia entsiklopediia* [*The golden rule of morality: The new philosophical dictionary*]. Institut filosofii RAN, 2007–2010. Available at: <http://iph.ras.ru/elib/1141.html> (accessed: 17.10.2015). (in Russian)
- Hands D. W. *Philosophy and economics. The New Palgrave Dictionary of Economics*. 2 ed. Eds. S. N. Durlauf and L. E. Blume. Palgrave Macmillan, 2008. The New Palgrave Dictionary Online. Palgrave Macmillan. Available at: http://82.179.249.32:3072/article?id=pde2008_P000084 (accessed: 06.06.2009).
- Hausman D. M. John Stuart Mill's Philosophy of Economics. *Philosophy of Science*, 1981, vol. 48, no. 3, pp. 363–385.
- Hosmer L. T., Chen F. Ethics and economics: growing opportunities for joint research. *Business Ethics Quarterly*, 2001, vol. 11, no. 4, pp. 599–622.
- Kalmychkova E. N., Chaplygina I. G. *Ekonomicheskoe myshlenie: filosofskie predposylki: ucheb. posobie* [*Economic thinking: philosophical assumptions*]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005. 272 p. (in Russian)
- Keppler J. H. *Adam Smith and the Economy of the Passions*. Oxford, Routledge, 2010. 163 p.
- Khausman D. M., Makferson M. S. [Philosophical foundations of mainstream normative economics]. *Filosofia ekonomiki. Antologiiia* [*Philosophy of economics. Anthology*]. Ed. by D. Khausman; transl. from engl. Moscow, Publ. Instituta Gaidara, 2012, pp. 269–299. (in Russian)
- Khausman D. M., Makferson M. S. [Taking ethics seriously: economics and contemporary moral philosophy]. *Istoki: sotsiokul'turnaia sreda ekonomicheskoi deiatel'nosti i ekonomicheskogo poznaniia* [*Origins: sociocultural environment of economic activity and economic cognition*]. Eds. Ia. I. Kuz'minov, V. S. Avtonomov, O. I. Anan'in et al.; NIU "Vysshiaia shkola ekonomiki". Moscow, Publ. Vysshiei shkoly ekonomiki, 2011, pp. 112–234. (in Russian)
- Lokk Dzh. [Questions concerning the law of nature]. Locke J. *Sochineniia v trekh tomakh: T. 3* [*Writings in three volumes: Vol. 3*]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 3–53. (in Russian)

- McQuillin B., Sugden R. Reconciling normative and behavioural economics: the problems to be solved. *Social Choice and Welfare*, 2012, vol. 38, no. 4, pp. 553–567.
- Mill' Dzh. S. [On the definition of political economy; and on the method of investigation proper to it]. Mill J.S. *Osnovy politicheskoi ekonomii s nekotorymi prilozheniiami k sotsial'noi filosofii* [Principals of political economy with some of their applications to social philosophy]. Transl. from engl. Moscow, Eksmo Publ., 2007. (Antologiya ekonomicheskoi mysli), pp. 985–1023. (in Russian)
- Mill' Dzh. S. *O svobode* [On liberty]. Transl. from engl. A. N. Nevedomskogo, 1866. Available at: <http://www.litres.ru/dzhon-stuart-mill/o-svobode/> (accessed: 10.02.2016). (in Russian)
- Mill' Dzh. S. *Utilitarizm* [Utilitarianism]. Transl. from engl., introd. A. C. Zemerov. Rostov-na-Donu, Donskoi izdatel'skii dom, 2013. 240 p. (in Russian)
- Nait F. *Etika konkurentsii* [Ethics of competition]. Moscow, 2009. 605 p. (in Russian)
- Rassel B. *Istoriia zapadnoi filosofii* [History of western philosophy]. Transl. from engl. V 2 t. Moscow, MIF Publ., 1993. 954 p. T. 2. 445 p. (in Russian)
- Robbins L. [An essay on the nature and significance of economic science]. *Filosofia ekonomiki. Antologiya* [Philosophy of economics. Anthology]. Ed. by D. Khausmana; transl. from engl. Moscow, Publ. Instituta Gaidara, 2012, pp. 93–123. (in Russian)
- Schefczyk M. John Stuart Mill: Ethics. *The Internet Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <http://www.iep.utm.edu/mill-eth/> (accessed: 01.03.2016).
- Sen A. *Ideia spravedlivosti* [The Idea of justice]. Transl. from engl. D. Kralechkin; nauch. red. perevoda V. Sofronov, A. Smirnov. Moscow, Publ. Instituta Gaidara; Fond "Liberal'naia Missiia", 2016. 520 p. (in Russian)
- Sen A. *Ob etike i ekonomike* [On ethics and economics]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 162 p. (in Russian)
- Sen A. Well-being, Agency and freedom: the Dewey Lectures 1984. *Journal of Philosophy*, 1985, vol. 82, no. 4 (Apr., 1985), pp. 169–221.
- Sigo N. [The appearance and the development of utilitarianism and his role in political economy (Jeremy Bentham, James Mill)]. *Ekonomicheskaiia teoriia v istoricheskom razvitii: vzgliad iz Frantsii i Rossii* [Economics in historical development: The view from France and Russia]. Ed. by A. G. Khudokormov. Moscow, INFRA-M Publ., 2016, pp. 241–270. (in Russian)
- Sigo N. [William Stanley Jevons]. *Ekonomicheskaiia teoriia v istoricheskom razvitii: vzgliad iz Frantsii i Rossii* [Economics in historical development: The view from France and Russia]. Ed. by A. G. Khudokormov. Moscow, INFRA-M Publ., 2016, pp. 272–296. (in Russian)
- Slote M. Moral Philosophy, Problems of. *The Oxford Companion to Philosophy* (2 ed.). Ed. by T. Honderich. Oxford University Press, 2005. 2384 p.
- Sugden R. The Opportunity Criterion: Consumer Sovereignty without the Assumption of Coherent Preferences. *The American Economic Review*, 2004, vol. 94, no. 4, pp. 1014–1033.
- Sushentsova M. S. Dzh. [John Locke and Adam Smith as moral philosophers and economists]. *Filosofia i metodologiya ekonomiki: predmetnye ramki i napravleniia razvitiia: sb. statei* [Philosophy and methodology of economics: subject limits and the direction of development]. Ed. by L. A. Tutov. Moscow, MAKS Press, 2015, pp. 124–133. (in Russian)

For citation: Sushentsova M. S. Utilitarianism of J. Bentham and J. S. Mill: from virtue to rationality. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2017, vol. 33, issue 1, pp. 17–35. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.102.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2016 г.

Статья рекомендована в печать 19 января 2017 г.